

М. В. СТРОГАНОВ¹

ВОЙНА 1812 ГОДА И ОПЫТ ЕЁ ОПИСАНИЯ

Русская кампания Наполеона 1812–1815 гг. оказалась по своим масштабам преддверием мировых войн XX в. и была связана с формированием системы коллективной безопасности (Священный союз, Лига наций, ООН и др.). В осмыслении войны 1812 года выделяется пять периодов. В 1812–1837 гг. общественное сознание использовало войну в целях национальной идентичности; с середины 1850-х гг. до конца XIX в. война осмыслялась как историческое и (по преимуществу) как героическое, эпическое прошлое, и только образ Наполеона сохранял актуальность современности; во время Первой мировой (1914, совпала со столетием 1812 г.) и Второй мировой (Великая Отечественная, 1941–1945) войн с послевоенным временем (до конца 1960-х) война 1812 г. была аналогом современных событий. В России с 1990-х гг. независимое обращение к войне в форме интернет-форумов, анекдотов, исторических реконструкций (художественный фильм «Ржевский против Наполеона») существует рядом с ренессансом традиционных метанарративов о Наполеоне и Бородино в рамках государственно-патриотических дискурсов (пышные празднества по случаю 200-летия войны). Формирование понятий об отечественной войне 1812 года началось с частных инициатив, которые в итоге получают государственную поддержку, и в конце концов этот замерший поиск, это прекратившееся движение становится монологической, незабываемой государственной идеологией.

Ключевые слова: война 1812 года, отечественная, коллективная безопасность, общественное сознание.

В 2012 г. коллектив учёных из разных стран и городов России предпринял изучение истории концепта ‘отечество’, который формировался в русской культуре во многом под влиянием войны 1812 года [2]². Будучи руководителем

¹ Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Российская Федерация); mvstroganov@gmail.ru

² Авторы: В. Е. Добровольская (Москва), Н. В. Коковина (Курск), Е. Г. Милюгина (Тверь), М. В. Строганов (Тверь), Е. Н. Строганова (Тверь), А. И. Федута (Белоруссия, Минск / Литва, Вильнюс), Э. Шорэ (Германия, Фрайбург). Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Подготовка и издание монографии “Война 1812 года и концепт ‘отечество’. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы”» (№ 12-34-07002). В настоящей статье использованы материалы Заключения к этой работе, написанного мною в соавторстве с Э. Шорэ.

этого коллектива, я попытаюсь описать тот опыт, который был накоплен в результате этого исследования.

Я не буду говорить о самом понятии 'отечественная война', так как этому посвящена вся наша работа. Я остановлюсь только на тех моментах, которые возникали попутно к нашей основной теме и которые требуют дальнейшей самостоятельной разработки.

Что же мы выяснили в процессе нашей работы?

Русская военная кампания Наполеона Бонапарта, именуемая в России войной 1812 года, радикально изменила мышление европейца, сформировала новые понятия и представления. Военные события 1812–1814 гг. предвосхищали мировой характер войн XX в., о чём свидетельствует, в частности, именование Лейпцигского сражения как Битвы народов. А сама война 1812 года была осмыслена современниками как война совершенно иного масштаба, чем все предыдущие войны. Она была осмыслена как война тотальная, как война России против двадцать язык. Отсюда такие характеристики врага, как *всеобщий* и *общий, вселенной, всея вселены*. Всё это прямо стоит на пороге понятия *мировая война*, которое появится через сто лет.

Понятие мировой войны было подготовлено европейскими концепциями всеобщего мира (аббат де Сен-Пьер, 1713; Исаак Изелин, 1768; Иммануил Кант, 1795), которые предвосхищали теорию коллективной безопасности. Важными этапами реализации этой теории были Священный союз, Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Все эти институты появлялись сразу после войн мирового масштаба, и каждая из них отражала в себе как опыт предшествующей войны, так и стремление предупредить новую войну. Более того, война 1812 года дала европейскому сообществу идею всеевропейского единства, которую С. С. Уваров в 1814 г. обозначил термином «Европейская республика» [20] и которая привела Европу сначала к идее Общего рынка, а потом и Евросоюза со всеми его институтами. Массовый характер военных действий, вовлечённость в них большого числа людей (в том числе и мирного населения) породили и ещё одно новое явление: мемориализацию каждого человека, участвовавшего в военных событиях. Эта мемориализация отразилась в таких разных формах, как могила неизвестного солдата и поимённые списки погибших. Первым предвестником такого мышления были мемориальные доски в Германии и предложение ввести аналогичное явление в России.

Иначе сказать, война 1812 года дала человечеству (в лице европейского сообщества) большой культурный опыт, освоение которого было бы невозможно в мирное время. Мы обычно говорим о тех потерях и трагедиях, которые сопряжены с войной. Не отрицая того, что любая война несёт с собой боль и страдания, историк культуры должен отдавать себе отчёт в том, что война даёт человечеству и положительный опыт. Совершенно очевидно, что в культурном плане войны дают человечеству и новые формы мышления, недоступные в условиях мирной жизни. Это не значит, что войны следует приветствовать. Это значит, что следует изучать гуманизирующее значение войн на человечество. Изучение гуманизирующего воздействия войн на человечество является вместе с тем и очень важной формой воспитания, так как человечество в принципе склонно забывать многое из накопленного опыта. Европа искренне отторгала от себя нацизм в первые годы после окончания

Второй мировой войны. Но по прошествии десятилетий этот печальный опыт стал забываться, и мы являемся свидетелями возвращения нацизма в самых разных формах. Конечная цель работы историка культуры и состоит в том, чтобы вернуть своим современникам ту непосредственность переживания нацизма, которая была свойственна людям середины XX в., чтобы предохранить нашу современность от возможного повторения этого опыта.

После окончания войны с Наполеоном в России сформировался исторический нарратив, который удивительным образом подходил для ситуаций кризиса национальной идентичности и борьбы за позиционирование места России в Европе и мире. Он обладал большим потенциалом к адаптации и способностью к развитию, особенно когда требовалось замаскировать проблемы и дефициты истории или же утвердить её своеобразие. В определённые периоды русской истории Отечественная война являлась особенно продуктивной для дискурсов национальной идентичности.

* * *

В первый период (1812–1837) общественная память использовала события 1812 года в процессе поиска национальной идентичности. Борьба с Наполеоном стала частью пропаганды национальной идеи (самодержавие, православие, народность). Как факт общественной культурной памяти, для празднования победы были воздвигнуты временные триумфальные арки, а в 1818 г. Александр I открыл в Царском Селе триумфальную арку, созданную по проекту архитектора В. П. Стасова. Арка должна была напоминать о военных походах 1812–1814 гг. и была посвящена «любезным моим сослуживцам» [14]. Среди других мемориальных объектов в Петербурге, посвящённых войне 1812 года, следует отметить спроектированную К. Росси и открытую в 1826 г., уже после смерти Александра I, Военную галерею Зимнего дворца, в которой было выставлено 332 портрета русских генералов [8]. Гораздо важнее был вклад в этот процесс Николая I, который предпринял ряд акций государственного масштаба. Николай возобновил возведение храма Христа Спасителя (1832); установил Александрийскую колонну в честь царя-избавителя в Петербурге и Триумфальные арки в Москве (1834); установил памятники Кутузову и Барклаю перед Казанским собором (1837); учредил празднование Бородинской битвы как национально значимого события (1837, 1839). Сюда же относится и завершение работы Ф. П. Толстого над серией медальонов в память о войне 1812 года (1836). Мемориализация отечественной войны и введение в обиход памяти о ней входило в программу Николая I по формированию национально-государственных брендов: национальный поэт (А. С. Пушкин) [См. об этом: 15], художник (место осталось вакантным), композитор (М. И. Глинка), национальное героическое событие.

Но главным государственным проектом, посвящённым памяти 1812 года, был храм Христа Спасителя, который планировали построить в Москве на Воробьёвых горах. В силу разных причин храм был перенесён в центр Москвы, чтобы изначально задуманная архитектурная семантика собора воплощала «идею державности, государственного величия и триаду “православие, самодержавие, народность”» [22, 124, 125]. Храм был создан не только как литургическое пространство, но и как памятник павшим в войне солдатам. Затянувшееся строительство завершилось в 1882 г., и храм был

торжественно открыт под звуки увертюры П. И. Чайковского «1812 год»; в 1912 г. в нём совершился благодарственный молебен по случаю 100-летнего юбилея победы над Наполеоном.

В процесс мемориализации войны 1812 года были вовлечены и явления, которые создавались изначально в рамках частной инициативы. Так, например, монастырь в Бородино, который в настоящее время является центром музейного комплекса «Бородино», создавался не в рамках государственной мемориальной культуры, а по инициативе вдовы А. А. Тучкова. А иные «государственные учреждения» были перепрофилированы. Так, Казанский собор, возведённый незадолго до войны с Наполеоном, стал центром общественной памяти о войне 1812 года. Символический смысл был заложен и в церемонии погребения Кутузова, когда на всеобщее обозрение были выставлены трофеи и ключи от всех городов, которые были освобождены русскими войсками.

Второй период в осмыслении войны 1812 года начался в связи с Крымской войной 1850-х гг. и продолжался до конца XIX в. Поражение в Крымской войне имело огромное значение для мемориализации войны и актуализации темы Наполеона, так как определённым образом способствовало возникновению «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, в котором одним из центральных мотивов стал мотив Наполеона, и «Войны и мира» Л. Н. Толстого. В романе Толстого нашли своё воплощение конструкции национальной идентичности – прежде всего в особой интерпретации женственности (образ Наташи Ростовской [16]). До наших дней (особенно в западных странах) роман Толстого играет решающую роль в процессе формирования представлений о русской национальной идентичности. Так, английский автор Орландо Файджес назвал свою монографию о культурной истории России «Танец Наташи» [23].

Третий период связан со столетним юбилеем войны 1812 года (1912) и Первой мировой войной (1914). Хотя в целом юбилейные празднования Бородинской битвы оказались в тени трёхсотлетнего юбилея дома Романовых в 1913 г. [7], тем не менее был проведён целый ряд праздничных мероприятий, среди которых необходимо отметить возведение новых монументов, посещение Николаем II Бородинского поля, военные маневры и массовые торжества в Москве. Эти юбилейные мероприятия были фактически последней попыткой государства сохранить единство общества с царским домом и империей. Наполеоновский нарратив, как мы уже заметили, стал необычайно продуктивным в 1914 г., в начале Первой мировой войны. Он стимулировал готовность к борьбе против западноевропейских врагов. Интересно также, что в некоторых источниках Первая мировая война называлась второй Отечественной, но это название не закрепилось.

Четвёртый период в осмыслении войны 1812 года связан с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. и с послевоенным временем. Уже одно наименование «Великая Отечественная война» восходит к войне 1812 года. На 1942 военный год приходится 130-й юбилей войны с Наполеоном. Сталинскому времени вообще был присущ особый интерес к переработке исторического материала. В 1944 г. на экраны вышел фильм «Кутузов», главную роль в котором сыграл известный актёр Алексей Дикий. В 1943 г. Сталин учредил орден Кутузова, высшую военную награду Советского Союза, которая вру-

чалась только маршалам, генералам и офицерам. В той же степени интерес к наполеоновскому времени и победоносной войне 1812 года демонстрирует и литература. В 1941 г. в осаждённом Ленинграде состоялась театральная премьера пьесы Александра Гладкова «Давным-давно», которая была названа «героической комедией». В основе сюжета лежала очень своеобразно переработанная история «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Но смысл пьесы заключался вовсе не в гендерной инверсии, а в общем патриотическом подъёме, который был свойствен эпохе. В 1962 г. Эльдар Рязанов снял на основе пьесы фильм «Гусарская баллада», вновь актуализировав тему войны 1812 года. Год выпуска фильма был, конечно же, не случайным. В этом году праздновалось 150-летие победы в Бородинской битве, и в ходе празднования в Москве была открыта гигантская «Бородинская панорама», которая и по сей день является одним из центральных мемориалов, посвящённых Отечественной войне, и служит популяризации исторических знаний. Значение пьесы Гладкова и фильма Рязанова состоит ещё и в том, что именно благодаря им появился фольклорный герой поручик Ржевский, которому посвящены многие анекдоты. Другой вершиной в пропаганде войны 1812 года была, разумеется, всемирно известная экранизация «Войны и мира» С. Ф. Бондарчука (1967), за которой последовал его же фильм «Ватерлоо» (1970).

Пятый период в осмыслении войны 1812 года охватывает послеперестроечный и современный этапы в истории России. После распада Советского Союза необычайно возросло значение популярных медиа [24]. После крушения коммунизма представления о Наполеоне, Бородино и войне 1812 года вновь становятся крайне популярными. Здесь можно выделить, по меньшей мере, две тенденции. С одной стороны, мы видим новое, независимое от официально-государственной интерпретации обращение к истории Отечественной войны в форме интернет-форумов, анекдотов, а в последние годы – в стремительно набирающих популярность исторических реконструкциях. С другой стороны, происходит ренессанс традиционных метанарративов о Наполеоне и Бородино, связанный с государственно-патриотическими дискурсами поиска национальной идентичности. Дискуссии о «русской идее» остаются одной из детерминант культурной истории России, которая влияет и на современные пути развития традиционных литературных и политических дискурсов. О сегодняшнем кризисе национального самосознания говорит не только оборонительная позиция России по отношению к Западу. С 2009 по 2011 г. Государственная Дума разрабатывала закон «О патриотическом и гражданском воспитании граждан РФ». 15 мая 2009 года вступил в силу примечательный указ президента России о создании специальной президентской комиссии «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [21]. Считается, что «гражданскую идентичность» россиян «размывают манипуляторь», вследствие чего был сформулирован призыв к пропаганде нормативных гражданских идеалов в области науки, медиа, а также к всеобщей образовательной и издательской деятельности [9]. В этом контексте особое значение получают два факта. С одной стороны, пышные юбилейные празднества по случаю 200-летия войны 1812 года, реанимировавшие идеологию двухсотлетней давности («православие, самодержавие, народность», или «за веру, царя и отечество»). С другой стороны, премьера художественного фильма «Ржевский против Наполеона» (Россия/Украина;

режиссёр Марюс Вайсберг), канонизировавший анекдоты, которые сформировались о поручике Ржевском в фольклоре. И та, и другая стороны – при всей их внешней противоположности – рассчитаны на самого широкого и достаточно невзыскательного потребителя и основаны на вторичной информации. И обе эти крайности делают вид, что существуют сами по себе и стараются не замечать друг друга. Такова культурная ситуация современной России.

* * *

В истории формирования понятия об отечественной войне 1812 года мы видим те же самые процессы, которые обнаруживаются при анализе культурной канонизации любой исторической личности либо исторического события. Вначале мы видим обычно частные и вполне разумные поиски, сопровождаемые колебаниями и сомнениями, которые в своей совокупности создают стереоскопический образ явления, лишённый монологического однообразия. Впоследствии все эти колебания замирают, отвердевают и получают даже государственную поддержку, поиск останавливается, и то, что было найдено вчера, полагается адекватно отвечающим запросам сегодняшнего дня. И в конце концов этот замерший поиск, это прекратившееся движение становится монологической, незыблемой государственной идеологией. В нашем случае мы видим то же самое. Сначала были многократные выступления Ф. Н. Глинки, которые отразили общие тенденции общественной мысли; а в конце этого пути мы видим обобщающие, институализирующие государственные постановления императора Николая. Как обычно это и бывает, результатами большого общественного движения успешно воспользовалось государство. Вместе с тем Николай I усвоил уроки Глинки лучше других его современников. Он, несомненно, читал «Военный журнал», в котором Глинка, его редактор, впервые напечатал статью «О необходимости иметь историю отечественной войны 1812 года». Считается, что поскольку А. И. Михайловский-Данилевский опубликовал «Описание отечественной войны в 1812 году» в 1839 г., то именно он вместе с Ф. Н. Глинкой сыграл решающую роль и в формировании понятия. Однако дело обстояло иначе. Михайловский-Данилевский создавал «Описание» по поручению императора. 24 февраля 1836 г. на его имя последовал высочайший рескрипт, который был опубликован и в «Русском инвалиде». Николай I благодарил историка за создание «Описания похода во Францию в 1814 году» и поручал написать историю войны 1812 года: «Важным и любопытным дополнением к описанию походов 1813 и 1814 гг. составила бы история собственно отечественной войны 1812 года. Я желаю, чтобы Вы занялись начертанием оной и вполне уверен, что Вы представите в ней соотечественникам Вашим новый опыт отличных Ваших дарований и обширных сведений» [цит. по: 11; первоначально, до слов «начертанием оной»: 17, 204]. Как видим, Николай уже в 1836 г. использует это сочетание как термин: «история собственно отечественной войны 1812 года». Это подтверждает резолюция Николая на предложении Михайловского-Данилевского описать военные события 1815 г.: «Государь император крайне бы желал, чтобы г.-л. Данилевский описал поход во Францию в 1815 году весьма кратко и тем закончил отечественную войну» [цит. по: 17, 205]. Здесь отечественная война понимается в современном смысле: от начала военных действий на собственной территории до окончания их на территории врага.

В. Г. Белинский писал, что государство устами своих идеологов доказывало, что «наша народность» «вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении которому “отечество” есть понятие подчинённое» [2, 247]. Лучше не скажешь.

В стихах, написанных в 1812 г., родина Москва подчинялась отцу отечеству, царь же, отец отечества, только воплощал его в себе. В 1941 г. отцом отечества стал Сталин, а место «матери» заняла Родина. А в 1839 г., когда военные действия отошли в прошлое, отечество показалось даже не нужным, показалось, что можно ограничиться одним «отцом», или, как его называли позднее, царём-батюшкой. Именно поэтому в теории «официальной народности» категория отечества была заменена категорией самодержавия.

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы должны напомнить, что *отечественная война* – это сугубо наше, отечественное (видимо даже – собственно русское) понятие. Оно формировалось под влиянием вполне объективных обстоятельств, и процесс его формирования отражал реальные, объективные процессы. Другое дело, что – как и всегда – в этом процессе участвовали разные силы: не только прогрессивные и реакционные, как мы обычно говорим, упрощая картину, но и самых разных оттенков, а главное: и государственные, и частные. Позволим себе политическую параллель. Современный пенсионер, который выступает на митингах за старый режим и коммунистов, может быть признан реакционером, но он выступает против современного правления, значит, он оппозиционер. Объективный смысл его выступлений покажет будущее. В нашем же случае уже и сейчас всё ясно: и императоры, и крепостные крестьяне, и солдаты, и писатели – все они так или иначе участвовали в процессе осмысления государственной и национальной идентичности. Это был очень важный и нужный процесс, и каждый внёс в него свой вклад – в меру своих сил и возможностей. Поэтому политизация той или иной позиции представляется излишней.

Как всегда, Россия осмысляла свою государственную и национальную идентичности своим, оригинальным путём: не в период формирования буржуазных отношений, а фактически ещё в добуржуазный период, причём при наличии такого мощного пережитка прошлого, как крепостное право. Именно это и выразилось в формировании представления о войне 1812 года как отечественной, – представления, глубоко погружённого в патриархальные отношения, которые, судя по современным событиям, ещё далеко не изжиты нашей страной. Но хотя этот процесс осмысления воображаемого сообщества, национально-государственной идентичности реализовывался в формах реакционных, объективно он был процессом прогрессивным. Поэтому и не стоит делить участников этого процесса на реакционеров и прогрессистов.

Признавая, что война 1812 года радикально изменила характер мышления русского человека, сформировала новые понятия и представления, мы признаём также, что война породила и большое количество мифологических представлений. Принимая этот факт, мы принимаем и важный для историка культуры парадокс, общий для всех исторических явлений. Общественное сознание опиралось на реальный опыт войны 1812 года. Но общественное сознание постоянно выдвигало на первый план какую-либо одну сторону этого реального опыта. Например, историки XIX – начала XX в., называя войну отечественной, подчёркивали в этом названии объединение всех сословий вокруг престола [1; 4; 5; 10; 13] и не обращали внимание на другие состав-

ляющие понятия. Более того, справедливо разграничивая организованную партизанскую войну и стихийные выступления крестьян, для которых они использовали термин *народная война* (кроме упомянутых выше сочинений Д. И. Ахшарумова, Д. П. Бутурлина и А. И. Михайловского-Данилевского см.: [3]), они не замечали национальный характер этой народной войны (именно так эта ситуация описана: [12]). Или. Современники событий 1812 года усиленно подчёркивали патриотическое воодушевление, охватившее все слои населения России после нашествия Наполеона. При чтении их сочинений может сложиться впечатление, что никто в России ни о чём ином и не думал, как только о судьбе отечества. Но бытовые документы 1812 года [19] показывают сосредоточенность людей на своих частных, личных интересах. Впрочем, практически все мужчины, авторы дневников, либо участвовали в войне, либо стремились попасть на неё, что подтверждает тот патриотизм, который, казалось бы, опровергают их дневники.

Наши примеры ярко иллюстрируют общеизвестный факт: сознание человека никогда не бывает в состоянии охватить какое бы то ни было явление во всём его объеме и поэтому постоянно акцентирует только одну какую-то сторону этого явления. В полемических целях такое акцентирование, которое сопровождает познание явления, часто называют мифологизацией, хотя тот, кто произносит такое слово, сам может оказаться в неменьшей степени мифотворцем, чем его оппонент. Вспомним, что Л. Н. Толстой писал А. И. Герцену 4/16 марта 1861 г.: «Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на неё с своей призмочки. Если мыльный пузырь (официальной. – М. С.) истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который ещё сами не видим (“пузырь” частной, личной истории “Войны и мира” и “Былого и дум”. – М. С.). И этот пузырь есть для меня твёрдое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть в 25 году» [18, 374]. Толстой трезво смотрел на вещи. Современному историку культуры следует учиться этой трезвости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахшарумов Д. И.* Описание войны 1812 года. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1819. 306 с.
2. *Белинский В. Г.* Бородинская годовщина. В. Жуковского. Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. <И. Н. Скобелева> // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. 3. С. 240–250.
3. *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. СПб.: Торговый дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°. Т. 1. 1859. 555 с.; Т. 2. 1859. VII, 651 с.; Т. 3. 1860. VII, 541 с.
4. *Булгаковский Д. Г.* Наши ополченцы и партизаны в Отечественной войне. СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. 31 с.
5. *Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: с официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов: в 2 ч. СПб.: Военная тип. Ч. 1. 1823. XVI, 428 [7], 11 с. Ч. 2. 1824. VIII, 458, IV с.
6. Война 1812 года и концепт ‘отечество’. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / В. Е. Добровольская, Н. В. Коковина, Е. Г. Милогина, М. В. Строганов (ред.), Е. Н. Строганова, А. И. Федута, Э. Шорэ. Тверь: СФК-Офис, 2012. 688 с., 48 с. ил.

7. *Вортман Ричард*. Николай II и популяризация его образа в 1913 году // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 78–103.
8. *Глинка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981. 239 с.
9. Госдума предупреждает: нашу гражданскую идентичность размывают манипуляторы // Полит.ру. 2008. 16 декабря. Режим доступа: <http://www.polit.ru/news/2008/12/16/manipulators> (Дата обращения 9.02.2015).
10. *Елчанинов А. Г.* Народная война и герои из народа в 1812 году. М.: Т-во И. Д. Сытина; СПб.: Сельский вестник; СПб., 1912. 36 с.
11. *Малышкин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания отечественной войны в 1812 году» // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года»: Источники. Памятники. Проблемы. 1993. Бородино: [Б. и.], 1994. С. 37–44.
12. *Маркин А. С.* Война и миф: К вопросу об отечественной историографии крестьянской самообороны от неприятеля в 1812 году // Библиотека Интернет-проекта «1812 год». Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library> (Дата обращения 9.02.2015).
13. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году по высочайшему повелению...: в 4 ч. СПб.: Военная тип., 1839. Ч. 1. 468 с.; Ч. 2. 448 с.; Ч. 3. 428 с.; Ч. 4. 356 с.
14. *Раскин А. Г.* Триумфальные арки Ленинграда. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.
15. *Строганов М. В.* «Наше всё»: Предпосылки и причины формирования мифа о Пушкине // Литература. Газета Издательского дома «Первое сентября». 2009. № 11. 1–15 июня. С. 26–33.
16. *Строганова Е. Н.* «Она не удостоивает быть умной...» («Война и мир» в гендерном прочтении) // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / Ред. В. Успенская. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2002. Вып. 2. С. 229–243.
17. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
18. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. Т. 60. 560 с.
19. 1812 год...: Военные дневники / Сост. и вступит. статья А. Г. Тартаковского. М.: Современник, 1990. 464 с.
20. *Уваров С. С.* Император всероссийский и Бонапарте. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1814. 51 с.
21. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России // Российская газета. 2009. 20 мая. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (Дата обращения 9.02.2015).
22. *Dmitrieva Marina.* Christus-Erlöser-Kathedrale versus Palast der Sowjets. Zur Semantik zeitgenössischer Architektur in Moskau // Kultur und Krise. Russland 1987–1997 / Hg. von Elisabeth Cheauré. Berlin: Berlin-Verlag, 1997. (Osteuropaforschung Bd. 39). S. 121–136.
23. *Figes Orlando.* Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. London: Allen Lane Penguin Press, 2002. 729 p.
24. *Menzel Birgit.* Formen und Funktionen postsowjetischer Populärliteratur // Kunstmarkt und Kanonbildung. Tendenzen in der russischen Kultur heute / Hg. von Elisabeth Cheauré. Berlin: Berlin-Verlag, 2000. S. 219–241.